

Живопись слова

Светлана Голубева

Поэта в широком смысле можно назвать певцом (у Пушкина) и художником (не зря же литература художественная). Странно, но справедливо. Если, конечно, речь идет не о продуктах нынешних фабрик звезд, а о тех, кому мир по-настоящему интересен. Такие люди, как правило, не бывают массово известны, и о таком поэте пишу.

Природа дарования

Андрей Владимирович Фролов родился 22 февраля 1965 года в Орле. Окончил Московский строительный техникум, служил в Советской Армии, работал и плотником, и инженером. Творчество его было замечено сначала на областном семинаре молодых литераторов в 1997 году, затем на семинаре молодых писателей при Московской организации Союза писателей России в 1998 году. Андрей Фролов довольно молод для писателя, но у этого поприща нет возрастных рубежей, главное, чтобы было о чем поведать миру.

Другой вопрос: почему люди начинают писать стихи? В случае Фролова нет творческих людей в том смысле, в каком мы привыкли понимать: писателей, художников, артистов. Но если рассматривать творчество как умение видеть необычное в обыденном, подходить к жизни с мало открытой глазу стороны, у Андрея Фролова было у кого этому учиться. Отец поэта, простой слесарь — обладатель единственной в своем роде трудовой книжки, в которой едва хватало листов для записи благодарностей за патентованные изобретения и всевозможные усовершенствования. Возможно, отсюда и у сына неизменный интерес к мироукладу, простым, даже незамечаемым вещам — ежедневным, понятным, обыденным. Но в том-то и особость поэзии Фролова, что видит он так, словно внезапно заглядывает в души. О нет, не смеется над потаенным, не обличает, а являет читателям и позволяет самим решать, как относиться к его лирическим героям. А они у него получаются сложными и простыми, характерными, где-то наивными — такими живыми, словно не читаешь, а зришь искреннюю убедительную картину.

Автор четырех книг

Андрей Фролов — автор книги «Старый квартал», «Над крышей снова аисты», «Конечная остановка». Совсем недавно, в конце 2011 года, в издательстве «Вешние воды» вышел его сборник лирических стихотворений «Над туманом сад плывет».

Спрашиваю, кто сопровождал в жизни его творчество. Слышу о двух людях: отце и Вадиме Еремине — замечательном орловском писателе. Их, к сожалению, нет с нами. Но Андрей говорит о них так, будто связь с ними жива и никогда ей не оборваться.

Смотрю библиографию. Каких городов тут только нет. Стихи нашего земляка читали, понятно, в Москве, а также в Брянске, Санкт-Петербурге, Красноярске, Омске, Алма-Ате... На Орловщине его произведения включены в антологию современной литературы «Наше время» (Москва — Нижний Новгород, 2009, 2010, 2011), антологию «Русская поэзия XXI век» (Москва, 2010).

Его книги выставлялись на международных книжных ярмарках во Франкфурте-на-Майне, Нью-Дели, Пекине, Женеве, Мадриде, Гаване. Он лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2009), победитель VIII Международного поэтического конкурса «Золотое перо» (Москва, 2011), дипломант Международного поэтического конкурса ко Дню славянской письменности и культуры (Шымкент, 2008).

Короткие и емкие стихи

Что же подкупает в творчестве Андрея Фролова?

Открываю сборник «Над туманом сад плывет». Одна из частей книги именуется «Мои портреты». Каждая строка — как взмах кисти.

Стихотворение «Плотник». В клубах стружечного запаха он заходит в общепит. Карандаш заложен за ухо/и навечно там забыт.

«Агроном». Может, вы о нём слышали, — / спорить не возьмусь, — / Просыпался с петухами, / брелись наизусть, «Бродская». На селе артисток мало, / Эта — тоже не звезда: / Год куда-то поступала — / Не попала нигде.

«Вдова». Муха бьётся в паутине, / Красный уеол. Образца. / Две огромные пустыни — / Заболевшие глаза.

«Отшельник». Молоко в пухатой кринке, / Аксуратная постель, / Ни пылинки, ни соринки — / Слово ждал всю жизнь гостей.

«Приятный сосед». Недавно

мёк ещё пока мне, / Что сосед который год / По ночам бросает камни / В наш чудесный огород.

Стихи короткие, но емки и образны. В двух-трех строках не только портрет человека, но его характер, судьба, чаянья. Целое полотно. Галерея.

Она удивляет, ведь искренность — редкость, опасная для того, кто владеет ею, потому что всегда уязвима для проницательных, жестоких в своей практичности душ. Живешь в постоянном напряжении от вечного ли ожидания обмана и разочарований, оттого ли, что каждое крохотное благо приходится завоевывать или отстаивать, но страшно хочется хоть кому-то верить.

Она же радуется, когда открываешь книгу, а с ней открываешь мир в той грани, где он наивен и беззащитен, угловат и порывист, как подросток. Становится неловко за свою слепоту; за то, что беспомощность мира понимаем как равнодушие и подчас не видим, что не ранить он нас хочет — помощи ждет, а с ней — пусть не любви — прощения.

Поэт с гражданской позицией

У Фролова есть и то, что в обыденности именуем гражданской

позицией, что, собственно, и отвечает за неравнодушие к жизни, обществу.

«Коммуналка». К ночи тягостней промахи власти, / Откровенней мольбы стариков.

«Памятник». Низко на брови надвинута кепка, / Едкое в горле застряло слово. / Длинно смотрит, возманившись кресло / Новое время запомнить в лицо.

«... На мосту поперёк тротуара, / Протянув своих ног худобу, / Восседает бесстыдная чшмара» / И безжалостно лает судьбу...

Что еще сказать о поэте? По-моему, о многом расскажет сама поэзия.

Философ

Он затаился, как паук, / Раскинув сеть сомнений, / Неосознаемых наук / Неутомимый гений.

С окраин разума стеклись / Огни идей случайных. / Трепетает пойманная мысль / На нервных окончаниях.

Смертельно мысль напряжена, / На лбу дымится иней. / Несокрушима тишина / Над мировой пустыней.

Юродивый

Тих, одинок, печален. / Нечего взять с него.

Смотрит из-под развалин / Разума своего: / Взглядом пронзит тяжёлым, / И не удержишь слёз. / Паперть метёт подолом, / Что-то бубнит под нос. / Скорбный, как шорох листьев.

Голос его дрожит / И от колочих истин / В страхе народ бежит.

Один день

Вызывает день осенний / Над похмельно страной, / Ждёт привычно потрясенный,

Отирая пот ночной. / Врёт, назвав себя «субботой», / Озирается окрест. / С терпеливой неохотой / На плечо приметлет крест. / Чья бездумно ритуальна, / Шепчет: «Всподи, спаси!» — / Многогрудный и усталый / Хмурый день всяя Руси.

Надежда

Эпоха — где уж бесшабашней! / В такой не всякий ко двору. / Стою насковзь

позавчерашний / На злом сегодняшнем ветру.

Холодный ветер, чёрный, / бранный, / И... он бессилен. Я держусь / За жизнь одною мыслью / странной: / А вдруг да завтра пригожусь?